СВЕТЛАНА ГОЛОВИНА

РОДНЫЕ БОГИ

Славянские боги и их судьбы

КНИГА ПЕРВАЯ

Светлана Головина

Родные боги

«Автор»
2026

Головина С.

Родные боги / С. Головина — «Автор», 2026

Прежде чем уйти в Навь, Чернобог получает от Белобога звезду. Ей суждено стать первым светом в царстве мёртвых.Всё начинается с Рода, который пробуждает вечность. В кузнице Сварога гаснет последняя искра, Макошь прядёт нити человеческих судеб, а Морена правит Навью. Боги любят, теряют близких и вступают в битвы, эхо которых отзывается в трёх мирах — Прави, Яви и Нави.«Родные боги. Славянские боги и их судьбы» — первая книга авторского цикла Светланы Головиной по мотивам славянских преданий.

© Головина С., 2026
© Автор, 2026

Светлана Головина
Родные боги

Светлана Головина
РОДНЫЕ БОГИ
Книга первая. Славянские боги и их судьбы
ПРЕДИСЛОВИЕ
От автора

Мои родные боги…

Как много для меня в этих словах.

Когда-то их имена были для меня лишь отголосками далёкого прошлого. Древние предания, забытые обряды, истории, дошедшие до нас сквозь века.

Я не знаю, в какой именно момент всё изменилось.

Не было ни грома среди ясного неба, ни чудесного знамения. Сначала было любопытство. Потом вопросы, книги, поиски, размышления. А однажды пришло чувство, которое трудно передать словами.

Словно я долго шла по незнакомым дорогам, искала что-то важное, сама не понимая что, и вдруг узнала место, в котором никогда прежде не была.

И поняла: я дома.

Я пришла к своим родным богам.

С тех пор они стали неотъемлемой частью моей жизни. Моих мыслей, поступков, моего понимания мира. Я научилась иначе смотреть на привычные вещи, замечать красоту там, где прежде проходила мимо, и принимать то, что не всё в жизни можно разделить на свет и тьму, добро и зло.

Сегодня я уже не представляю своего существования без них.

Я обращаюсь к ним не только с просьбами. Иногда мне хочется просто поблагодарить. За прожитый день, за силы пережить трудное, за радость, за надежду. За ту незримую связь, которую я чувствую и которую не стремлюсь никому доказывать.

Ведь вера — это очень личное.

И у каждого человека своя дорога к ней.

Но однажды мне захотелось поделиться тем, что стало для меня таким дорогим.

Так родилась эта книга.

Я приглашаю вас пройти вместе со мной путь от самого первого мгновения, когда Род разбудил вечность, до времён, когда мир обрёл свои законы, а боги — свои судьбы.

Вы увидите рождение света и тьмы, появление Прави, Яви и Нави, великие сражения и истории любви, способной изменить даже бессмертных. Узнаете, почему одни боги даруют жизнь, другие охраняют её, а третьи встречают человека за последней чертой.

И, возможно, постепенно поймёте главное: все они, такие разные, связаны между собой гораздо сильнее, чем кажется.

Мне хотелось рассказать о богах не как о далёких, недоступных существах, чьи имена сохранились в старинных преданиях, а как о живых героях со своими характерами, чувствами и судьбами.

Я представляла, как они любили, радовались рождению детей, переживали предательство, совершали ошибки и принимали решения, от которых зависели целые миры.

Может ли бессмертный бог бояться потерять любимого?

Может ли тот, кто способен сокрушить горы, оказаться бессильным перед собственным сердцем?

И всегда ли тьма означает зло, а свет — добро?

Мне хотелось найти ответы на эти вопросы. Или хотя бы представить, какими они могли быть.

Я хочу, чтобы вы понимали: перед вами не научное исследование и не собрание исторически доказанных древних сказаний.

Славянское мифологическое наследие дошло до нас не полностью. Многие образы сохранились лишь в отдельных упоминаниях, а некоторые представления о богах появились значительно позднее.

В этой книге переплелись древние мотивы, моё личное восприятие и художественный вымысел.

Я дала богам голоса, характеры, любовь и боль. Позволила им ошибаться, сомневаться, бороться за дорогое и порой проигрывать даже тогда, когда казалось, что их могущество безгранично.

И у каждого из них — своё предназначение.

К одному мы обращаемся за защитой, к другому — за мудростью, к третьему — за любовью, достатком, справедливостью или мужеством.

Но я верю, что родные боги не должны проживать нашу жизнь за нас. Они могут стать опорой, помочь обрести силы, но выбор всегда остаётся за человеком.

Именно это мне хотелось передать через их истории.

Почему я называю их родными?

Потому что в этом слове для меня заключено гораздо больше, чем принадлежность к древней традиции.

Родная земля. Родной дом. Родная память.

То необъяснимое чувство, когда душа узнаёт нечто своё.

Я не стремлюсь убедить вас разделить мою веру. Мне хочется лишь открыть перед вами мир, который однажды стал для меня родным.

Возможно, вы увидите этих богов иначе. Возможно, кто-то из них удивит вас, кого-то вы полюбите, а с чьими-то поступками не согласитесь.

И это прекрасно.

Ведь каждая история оживает по-настоящему только тогда, когда находит отклик в сердце читателя.

«Родные боги» — первая книга задуманного мною цикла.

Но древний мир не ограничивается одними богами. В лесной чаще, за печью старого дома, в глубине рек, среди болот и заброшенных дорог, согласно народным поверьям, обитают другие существа.

Домовые, лешие, водяные, русалки и многие другие. У каждого из них свои тайны, свои привычки и свои истории.

Им будет посвящена следующая книга.

А впереди нас ждут и другие дороги. Возможно, однажды мы отправимся в самую глубину Нави — загадочного мира, о котором люди привыкли говорить с опаской.

Но пока я приглашаю вас туда, откуда всё началось.

К Роду, разбудившему вечность.

К Сварогу, подарившему миру огонь.

К Ладе, научившей любить.

К богам, которые стали для меня не просто героями преданий, а частью моей души.

Мне хочется верить, что, закрыв последнюю страницу, вы унесёте с собой не только воспоминания об их историях, но и что-то большее.

Может быть, однажды вы посмотрите на ночное небо и вспомните имя забытого бога. Или, услышав шелест деревьев, почувствуете, что мир гораздо глубже и удивительнее, чем кажется.

А может быть, просто поймёте, почему я называю их родными.

Мои родные боги…

Спасибо за то, что однажды я нашла к вам дорогу.

И теперь мне хочется пройти её вместе с вами, мои дорогие читатели.

Добро пожаловать в мир родных богов.

Глава первая

РОД

Тот, кто разбудил вечность

До рождения мира не было ничего.

Ни земли, ни неба. Ни огня, ни воды. Ни времени, которое можно было бы измерить, ни расстояний, которые можно было бы преодолеть.

Не существовало даже смерти.

Ведь умереть может лишь тот, кто однажды родился.

Была только Тьма.

Безмолвная, бесконечная, неподвижная.

Она не была злой. Зло ещё не существовало. Она не была доброй — добро тоже ещё не получило имени.

Тьма просто была.

И посреди неё покоилось золотое яйцо.

Никто не знал, откуда оно появилось. Не было глаз, способных его увидеть, и рук, которые могли бы прикоснуться к его гладкой оболочке.

Внутри яйца спал Род.

Он не видел снов, потому что сны ещё не были придуманы. Не слышал собственного сердца, потому что вокруг не существовало ничего, с чем можно было бы сравнить его биение.

Но однажды в бесконечной неподвижности что-то изменилось.

Род услышал звук.

Тихий, едва различимый.

Словно кто-то осторожно постучал по золотой скорлупе.

Он прислушался.

Стук повторился.

— Кто здесь? — спросил Род.

И впервые во всём мироздании прозвучал голос.

Ответа не последовало.

— Кто зовёт меня?

Молчание.

Тогда Род понял нечто удивительное: это стучало его собственное сердце.

Оно билось всё громче, словно требовало, чтобы вечность наконец закончилась.

И Род открыл глаза.

Он увидел золото.

Золотые стены окружали его со всех сторон. Они были прекрасны, теплы и надёжны. Внутри не было ни боли, ни страха, ни утрат.

Здесь можно было оставаться вечно.

Род протянул руку и коснулся скорлупы.

За ней было что-то ещё.

Он не знал, что.

Но впервые ощутил желание узнать.

— Если я останусь здесь, — произнёс он, — ничто никогда не изменится.

Он прислонил ладонь к золотой стене.

— А если выйду?

Ответить было некому.

И тогда Род ударил.

По скорлупе пробежала тонкая трещина.

Снаружи что-то дрогнуло.

Род ударил снова.

Трещина разошлась, и в первозданную Тьму вырвался первый луч света.

Он был таким ярким, что сама вечность словно отшатнулась.

Золотое яйцо раскололось.

И Род вышел наружу.

Вокруг него простиралась бесконечная Тьма.

Род смотрел на неё, а она словно смотрела в ответ.

— Здесь пусто, — сказал он.

И впервые услышал собственное эхо.

— Пусто… пусто… пусто…

Ему не понравилось это слово.

Он поднял ладони, в которых ещё горело золото разбитой скорлупы, и развёл их в стороны.

— Да будет свет.

Тьма расступилась.

Не исчезла. Лишь отодвинулась, уступая место сиянию.

Род собрал золотые осколки яйца. Самые горячие поднял высоко над собой, и они превратились в Солнце. Холодные, серебристые частицы стали Луной. Мельчайшие искры разлетелись по бездонной вышине и зажглись звёздами.

Впервые появилось небо.

Но под ним по-прежнему ничего не было.

Тогда Род опустил руку, и из бездны поднялась земля.

Сначала голая, холодная, безжизненная.

Он провёл пальцами по её поверхности — выросли горы. Коснулся впадин — они наполнились водой. Вода потекла между камнями, превращаясь в реки, озёра и бескрайние моря.

Там, где ступала его нога, поднимались леса.

Там, где задерживалось дыхание, распускались цветы.

Но мир оставался безмолвным.

Род создал ветер.

И ветер впервые пробежал по верхушкам деревьев.

Он создал дождь.

И первые капли упали на землю, которая ещё не знала, что такое жажда.

Он создал гром.

И содрогнулись горы.

Род рассмеялся, услышав его раскаты.

Мир был прекрасен.

Но почему-то его сердце не радовалось так, как прежде.

— Чего же тебе недостаёт? — спросил он у своего творения.

Мир не ответил.

И Род понял.

Некому было услышать ветер.

Некому удивиться звёздам.

Некому полюбить землю, которая расцветала у него под ногами.

Он сотворил красоту.

Но пока оставался единственным, кто мог её увидеть.

Тогда Род решил, что мир не должен принадлежать ему одному.

Он вдохнул полной грудью и выдохнул.

Из его дыхания родился Стрибог — владыка ветров.

Юный бог расправил руки, и над миром пронёсся такой вихрь, что деревья пригнулись к земле.

— Осторожнее! — воскликнул Род.

Но Стрибог лишь рассмеялся.

— Отец, разве ты создал такой огромный мир, чтобы я стоял на одном месте?

И прежде чем Род успел ответить, его сын уже мчался над морями.

Род покачал головой.

Впервые кто-то поступил не так, как он ожидал.

И почему-то это обрадовало его.

Затем из глубокой мудрости Рода возникла Макошь.

Она опустилась на молодую землю, провела ладонью по траве и долго прислушивалась к её шелесту.

— Прекрасно, — сказала она.

— Я рад, что тебе нравится моё творение.

Макошь посмотрела на него.

— Оно ещё не закончено.

Род нахмурился.

— Чего же недостаёт?

— Судеб.

— Судеб?

— У каждой реки есть течение. У каждого дерева — корни. Но однажды здесь появятся те, кому придётся выбирать собственную дорогу.

— Я укажу им путь, — ответил Род.

Макошь улыбнулась.

— Тогда это будет твоя дорога, отец. Не их.

И Род впервые задумался о том, что сотворить жизнь — не значит получить право распоряжаться каждым её мгновением.

Шли первые времена.

Солнце сменяло Луну, ветры приносили дожди, земля покрывалась зеленью.

Но Род всё чаще замечал странное.

Созданные им цветы увядали.

Листья опадали с деревьев.

Волны разрушали берега, которые он так тщательно вылепил.

Он сердился.

Восстанавливал разрушенное, возвращал цветам свежесть, поднимал упавшие деревья.

Но всё повторялось.

Однажды Род увидел маленький росток, пробившийся сквозь трещину в камне.

Камень был древним — одним из первых, созданных им.

Росток раздвигал его корнями.

— Зачем ты разрушаешь то, что я сотворил? — спросил Род.

Росток не ответил.

Он просто тянулся к свету.

И Род вдруг понял: если камень никогда не треснет, дереву негде будет вырасти.

Если листья не опадут, земля не получит пищи для новых растений.

Если ничто не изменится, мир снова станет похож на золотое яйцо.

Прекрасное.

Безопасное.

Неподвижное.

Род долго смотрел на росток.

Потом осторожно убрал руку от камня.

— Расти, — прошептал он.

И впервые позволил своему творению измениться без его вмешательства.

Но чем прекраснее становился мир, тем яснее Род видел: одному ему не справиться.

Нужен был тот, кто сумеет придать земле форму, научит огонь служить созиданию и превратит бескрайний простор в устроенный мир.

Тогда Род собрал в ладонях небесный огонь.

Он горел ярче Солнца, но не обжигал своего создателя.

Род вложил в пламя силу, терпение и способность создавать то, чего прежде не существовало.

И из огня вышел Сварог.

Высокий, могучий, с глазами, в которых отражалось пламя будущих кузниц.

Он осмотрел землю, горы и реки.

Потом поднял с земли камень, взвесил его в ладони и спросил:

— Отец, почему мир так прекрасен, но так несовершенен?

Род улыбнулся.

— Потому что я оставил тебе работу.

Сварог посмотрел на камень.

— А что, если я сделаю не так, как задумал ты?

Род вспомнил смех Стрибога, слова Макоши и маленький росток, расколовший древний камень.

— Тогда мир станет другим.

— Ты не рассердишься?

Род долго молчал.

— Возможно, рассержусь, — наконец признался он. — Но если всё должно оставаться лишь таким, каким хочу я, зачем мне были нужны другие боги?

Сварог впервые улыбнулся.

И в его руках вспыхнул первый кузнечный огонь.

Когда наступила тишина, Род остался один под звёздным небом.

Он смотрел на мир, который больше не принадлежал только ему.

Стрибог гнал облака в неведомые края.

Макошь готовилась прясть первые нити судеб.

Сварог уже прислушивался к голосу огня, пытаясь понять, какие тайны скрыты в камне и металле.

Всё двигалось.

Всё менялось.

И впервые Род почувствовал страх.

Не перед Тьмой.

Не перед одиночеством.

Он испугался того, что однажды его дети совершат поступки, которых он не сможет исправить.

Что созданные им существа начнут спорить, завидовать, ненавидеть.

Что любовь может обернуться болью, а свет — жестокостью.

Род поднял глаза к звёздам.

Он мог уничтожить всё одним движением руки.

Собрать моря обратно в ладони, погасить Солнце, вернуть богов в своё сердце и вновь укрыться внутри золотой скорлупы.

Там, где никто не ошибается.

Потому что никто не живёт.

Но Род не сделал этого.

Он опустился на землю и коснулся молодой травы.

— Пусть будет так, — произнёс он. — Пусть мир живёт.

И далеко-далеко, за пределами света, первозданная Тьма словно шевельнулась.

Она никуда не исчезла.

Она ждала.

Род ещё не знал, сколько испытаний выпадет на долю его детей. Не знал, что однажды ему придётся разделить между двумя сыновьями власть над светом и Навью.

Но уже тогда понял главное.

Создать мир было легко для того, кто обладал силой творения.

Гораздо труднее оказалось позволить миру жить собственной жизнью.

И пока над молодой землёй поднималось Солнце, Сварог впервые ударил по раскалённому камню.

Раздался звон.

С этого звука началась новая история.

Глава вторая

СВАРОГ

Последняя искра небесного кузнеца

В ту ночь, когда Сварог впервые услышал, как плачет гора, он ещё не знал, что к утру ему придётся навсегда отпустить самое прекрасное из своих творений.

Людей тогда не существовало.

Никто не возделывал землю, не разводил огня в очагах, не просил богов о помощи. Леса росли сами по себе, реки находили дорогу к морям, а звери ещё не знали страха перед охотником.

Мир был молод.

И боги считали, что могут делать с ним всё, что пожелают.

Сварог построил свою кузницу на вершине горы, которая поднималась выше облаков.

Днём её вершина сияла золотом, ночью становилась похожа на раскалённый уголь среди звёзд.

Там не было ни дверей, ни стен. Только огромный каменный горн, наковальня и огонь, подаренный Родом.

Сварог не любил, когда ему мешали.

Особенно Стрибог.

Тот вечно врывался на вершину, разбрасывал искры, раздувал пламя и смеялся, когда кузнецу приходилось ловить раскалённые заготовки.

— Ты когда-нибудь остановишься? — сердился Сварог.

— Когда перестану быть ветром.

— Значит, никогда.

— Вот именно!

И Стрибог исчезал, оставляя после себя вихрь пепла.

Но однажды он прилетел молча.

Сварог сразу понял: что-то случилось.

— На востоке, — сказал Стрибог, — гора кричит.

Сварог опустил молот.

— Горы не кричат.

— Эта кричит.

— Ты опять перепутал эхо с собственным голосом?

Стрибог не улыбнулся.

— Я слышал, как она просила, чтобы её убили.

Они отправились на восток.

Там, где молодая земля ещё не успела остыть после сотворения, возвышалась чёрная гора.

Из трещин на её склонах сочился огонь. Камни дрожали, словно под ними билось огромное сердце.

И действительно — гора плакала.

Не водой.

Расплавленным камнем.

Сварог приложил ладонь к её поверхности.

В глубине он почувствовал чужое движение.

Что-то пыталось выбраться наружу.

— Кто ты? — спросил он.

Ответ пришёл не словами.

Болью.

Она ударила в его ладонь так сильно, что Сварог отступил.

Перед глазами вспыхнули образы: раскалённая земля, каменные своды, бесконечное давление, тьма.

И существо, запертое внутри.

Оно родилось вместе с горой.

Не имело имени.

Не знало, зачем существует.

Но уже умело страдать.

— Отец не говорил, что создал его, — тихо произнёс Сварог.

— Может, и не создавал, — ответил Стрибог.

Сварог посмотрел на него.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве всё в мире должно появляться только по чьей-то воле?

Кузнец не ответил.

Впервые он столкнулся с чем-то, чего никто из богов не задумывал.

Сварог вернулся к горну.

Он работал семь ночей.

Не ради славы.

Не ради красоты.

Он хотел освободить существо из каменной темницы.

На восьмую ночь он выковал особый клин — тонкий, прочный, сияющий изнутри.

Когда Сварог поднял его, огонь в горне склонился к металлу, словно признавая старшего.

Стрибог присвистнул.

— Что это?

— Ключ.

— Для горы?

— Для того, кто в ней заперт.

— А если ему лучше оставаться внутри?

Сварог нахмурился.

— Ты слышал его крик.

— Слышал.

— Тогда почему спрашиваешь?

Стрибог долго смотрел на клин.

— Потому что я не знаю, что он сделает, когда перестанет кричать.

Сварог отвернулся.

Ему не нравились сомнения.

Особенно чужие.

Когда боги вернулись к чёрной горе, земля дрожала уже так сильно, что камни скатывались в долину.

Сварог поднял молот.

— Отойди.

Стрибог взмыл в небо.

Первый удар расколол вершину.

Второй рассёк каменную толщу.

После третьего гора раскрылась.

И из неё поднялось существо, сотканное из расплавленного камня и огня.

Оно было выше деревьев. Вместо волос над его головой струилось пламя, а в груди светилось сердце, похожее на маленькое солнце.

Существо посмотрело на Сварога.

И впервые заговорило.

— Больше не больно.

Сварог улыбнулся.

— Ты свободен.

Существо подняло руки.

— Свободен…

Оно сделало первый шаг.

Под его ногой загорелся лес.

Второй.

Вода в реке закипела.

Третий.

Склон соседней горы осыпался в долину.

Стрибог бросился вниз, пытаясь отогнать огонь ветром, но лишь раздул пламя.

— Сварог!

Кузнец уже видел.

Освобождённое существо шло вперёд, восхищённо разглядывая мир.

Оно не желало никому зла.

Оно даже не понимало, что уничтожает всё, к чему прикасается.

— Остановись! — крикнул Сварог.

Существо обернулось.

— Почему?

— Ты сжигаешь леса!

Оно посмотрело на пылающие деревья.

— Они красивые.

— Они гибнут!

— Что значит «гибнут»?

Сварог замолчал.

В мире, где ещё не существовало людей, уже были утраты. Но это создание не понимало их смысла.

— Они больше не вырастут такими, какими были, — ответил кузнец.

Существо задумалось.

Потом опустилось на колени перед обугленным деревом и осторожно коснулось его ствола.

Дерево вспыхнуло.

— Я не хотел, — прошептало оно.

Впервые в его голосе появился страх.

Сварог почувствовал, как сжимается сердце.

Он сам освободил его.

И теперь смотрел, как оно мучается от собственного существования.

На рассвете пришла Макошь.

Она долго стояла среди пепла, глядя на чёрную землю.

— Ты сделал это? — спросила она.

Сварог не стал оправдываться.

— Да.

— Зачем?

— Оно страдало.

Макошь посмотрела на огненного великана, который сидел на берегу выкипевшей реки и старательно держал руки прижатыми к груди.

— А теперь страдает ещё больше.

Сварог сжал зубы.

— Я найду способ.

— Какой?

— Выкую ему новое тело. Создам оболочку, которая удержит жар. Или научу его управлять огнём.

— А пока?

Сварог посмотрел на обгоревшие леса.

— Пока пусть останется здесь.

Макошь покачала головой.

— Он не сможет.

— Почему?

— Потому что жить — значит двигаться, желать, искать. Ты освободил его, а теперь предлагаешь снова стать пленником. Только без каменных стен.

Сварог почувствовал злость.

— Значит, лучше было оставить его в горе?

— Я этого не говорила.

— Тогда скажи, что мне делать!

Макошь подошла ближе.

— Перестань думать, что всякую боль можно исправить молотом.

Сварог не спал следующую ночь.

Он сидел рядом с огненным великаном.

Огненный великан смотрел на звёзды.

— Они тоже горячие? — спросил он.

— Да.

— Но ничего не сжигают.

— Они очень далеко.

Существо долго молчало.

— Значит, мне тоже нужно уйти далеко?

Сварог не ответил.

— Я могу уйти, — продолжило оно. — Туда, где никого нет.

— Ты не знаешь, где заканчивается мир.

— Тогда покажи мне.

Кузнец опустил голову.

Впервые за всё время существо протянуло к нему руку.

Сварог невольно отшатнулся.

Оно заметило это.

Медленно убрало ладонь.

— Ты тоже боишься меня.

Сварог хотел сказать «нет».

Но не смог.

И это оказалось страшнее любого ожога.

Утром он пришёл к Роду.

Отец сидел у подножия древнего дерева. В его ветвях пели птицы, которых ещё никто не научил бояться богов.

Сварог рассказал всё.

О плачущей горе.

О заточённом существе.

О свободе, которая обернулась разрушением.

Род слушал молча.

— Я могу уничтожить его, — наконец произнёс Сварог. — Но оно не виновато.

— Нет, — согласился Род.

— Тогда я не имею права.

— А леса, которые оно сожгло?

— Я восстановлю их.

— Реки?

— Верну воду.

— А если завтра оно сожжёт всё снова?

Сварог отвернулся.

Род поднялся.

— Ты хочешь, чтобы я решил за тебя?

— Я хочу знать, как поступить правильно.

— Правильно для кого?

Сварог посмотрел на отца.

И не нашёл ответа.

Когда они вернулись к горе, огненный великан ждал их.

Он увидел Рода и сразу понял, кто перед ним.

— Ты создал меня? — спросил он.

Род покачал головой.

— Я создал мир, в котором ты родился.

— Тогда зачем я родился таким?

Род молчал.

— Я не хочу жечь деревья, — продолжило существо. — Не хочу кипятить реки. Я хочу ходить по земле и смотреть на звёзды. Как остальные.

Сварог отвернулся, чтобы не видеть его лица.

— Сделай меня другим, — попросил великан.

Род подошёл ближе.

— Если забрать твой огонь, ты перестанешь быть собой.

— А если оставить?

— Ты не сможешь жить здесь, не причиняя боли.

Существо посмотрело на свои руки.

Они пылали.

Оно медленно сжало пальцы.

— Тогда я не хочу жить здесь.

Сварог резко поднял голову.

— Нет!

Великан взглянул на него.

— Ты подарил мне свободу. Почему теперь не позволяешь выбрать?

Эти слова ударили сильнее молота.

Род долго смотрел на сына.

Потом произнёс:

— Есть место, которого ещё нет.

Сварог нахмурился.

— Как это?

— Глубоко под землёй лежат пустые пространства. Там нет лесов, рек и зверей. Только камень, тишина и древний жар.

Великан поднялся.

— Я могу жить там?

— Если пожелаешь.

— А звёзды?

Род посмотрел на Сварога.

— Звёзды для него придётся создать тебе.

Кузнец понял.

Он вернулся в небесную кузницу и работал до самого заката.

На этот раз он не ковал оружия, инструментов или небесных сводов.

Он создавал маленькие светила.

Крошечные огненные шары, способные гореть в глубине камня.

Когда работа была закончена, Сварог принёс их великану.

— Они будут светить тебе, — сказал он. — Даже под землёй.

Существо взяло одно светило.

Оно не обожгло его ладонь.

— Красиво, — прошептало оно.

— Да.

— Ты придёшь ко мне?

Сварог почувствовал, как пересохло горло.

— Приду.

Великан улыбнулся.

И впервые его улыбка не заставила ничего загореться.

Род раздвинул земную твердь.

Открылся глубокий проход, уходящий туда, где ещё не ступала ничья нога.

Великан остановился у края.

— Как меня зовут? — вдруг спросил он.

Сварог замер.

Он освободил существо, пытался спасти его, едва не уничтожил ради него мир.

Но так и не дал ему имени.

— Я не знаю, — признался кузнец.

Великан задумался.

— Тогда пусть меня зовут Искр.

Сварог повторил:

— Искр.

— Чтобы ты помнил: даже маленькая искра может стать большим огнём.

Он шагнул в глубину.

Потом ещё раз.

И исчез.

Долгое время из земных недр доносились его шаги.

Затем всё стихло.

Но далеко под землёй вспыхнули крошечные звёзды.

И там, где прежде была лишь холодная каменная пустота, родился первый подземный огонь.

Сварог стоял у закрывшегося прохода.

Род подошёл к нему.

— Ты сделал всё, что мог.

— Нет, — ответил Сварог. — Я мог сначала подумать.

Род не стал спорить.

— Он не просил меня освобождать его, — продолжил кузнец. — Я решил, что знаю, как сделать его счастливым.

— Ты хотел помочь.

— И едва не погубил всё вокруг.

Род положил ладонь ему на плечо.

— Запомни это чувство.

Сварог посмотрел на отца.

— Зачем?

— Потому что однажды ты создашь нечто ещё более могущественное. И будешь так же уверен, что приносишь миру добро.

Кузнец хотел спросить, что именно.

Но Род уже уходил.

С тех пор Сварог изменился.

Он по-прежнему любил огонь.

По-прежнему слышал в камне музыку будущих творений.

По-прежнему верил, что мир можно сделать лучше.

Но прежде чем поднять молот, он стал задавать себе вопрос:

Кому послужит то, что я создам?

Иногда ответ приходил сразу.

Иногда кузница молчала целыми днями.

А в особенно тихие ночи Сварог спускался к старой чёрной горе, прикладывал ладонь к земле и прислушивался.

Глубоко внизу отзывался знакомый голос.

— Сварог?

— Я здесь, Искр.

— Сегодня я сделал новое светило.

— Покажи.

И сквозь трещины в камне пробивался мягкий красноватый свет.

Сварог улыбался.

Он знал: его первое великое испытание закончилось не победой и не поражением.

Оно научило его тому, чего нельзя выковать из железа.

Сварог долго смотрел на красноватый свет, пробивавшийся из глубины горы.

Когда-то он хотел вырвать Искра из каменного плена. Теперь же боялся даже случайно разрушить тонкую трещину, через которую тот показывал ему свои звёзды.

Впервые за долгие века кузнец опустил молот не потому, что работа была закончена.

А потому, что понял: не всё прекрасное нуждается в его руке.

А далеко внизу, под корнями будущих лесов, Искр продолжал зажигать свои подземные звёзды.

И много веков спустя, когда на земле появятся люди, они будут находить в глубинах гор удивительные красные камни.

Кузнецы станут называть их огненными сердцами земли.

И лишь Сварог будет знать, чьё сердце когда-то научило камень светиться.

Глава третья

БЕЛОБОГ И ЧЕРНОБОГ

По разные стороны вечности

— Почему именно он, отец?

Белобог стоял перед Родом, сжимая руку брата так крепко, словно уже пытался удержать его от неизбежного.

— Потому что миру нужна Навь, — ответил Род.

— Тогда создай её! Ты ведь можешь создать всё! Но зачем отправлять туда Чернобога?

Род посмотрел на сыновей.

Они родились в один миг. Один принёс миру свет, другой — тьму. Но никогда прежде тьма не означала одиночества, а свет — разлуки.

Теперь всё должно было измениться.

Молодой мир переполняла жизнь.

Деревья росли, пока их корни не начинали душить друг друга. Уставшие звери продолжали жить, даже когда уже не могли подняться. Увядшие листья не исчезали, а новые не находили места на ветвях.

Всё рождалось.

Ничто не завершалось.

Однажды Род прикоснулся к древнему дереву и услышал, как оно просит:

«Отпусти меня».

Тогда он понял, чего не предусмотрел при сотворении мира.

Жизнь не могла продолжаться бесконечно, если ничему не позволялось уходить.

Миру требовалась Навь — место, где завершившее свой путь не исчезнет бесследно.

И нужен был тот, кто примет это царство.

— Почему Чернобог? — повторил Белобог.

— Потому что он умеет видеть то, чего не замечает свет, — ответил Род. — Ты пробуждаешь жизнь. Твой брат способен подарить покой.

— Значит, мне достанутся цветущие леса, а ему — пустота?

— Вам достанутся не награды, а обязанности.

Чернобог всё это время молчал.

Он смотрел на пространство, которое Род раскрыл перед ними: беззвёздное, холодное, ещё не знавшее ни единого голоса.

— Отец, — наконец спросил он, — а те, кто однажды придёт туда, будут бояться?

— Возможно.

— И кто их встретит?

Род не ответил.

Чернобог опустил глаза.

— Тогда я пойду.

Белобог резко повернулся к нему.

— Ты даже не знаешь, что тебя ждёт!

— Знаю, что ждёт их, если там никого не будет.

— Но ты останешься один!

Чернобог грустно улыбнулся.

— Только до тех пор, пока кому-нибудь не понадобится моя помощь.

Род подошёл к сыну и обнял его.

— Ты не наказан, — прошептал он. — Я доверяю тебе то, что не смог бы доверить никому другому.

Чернобог прижался лбом к отцовскому плечу.

— Ты будешь любить меня там так же, как здесь?

Род закрыл глаза.

— Всегда, сын мой.

Братья дошли до границы вместе.

Белобог остановился первым.

— Помнишь нашу звезду?

Когда-то, в первый день их существования, Чернобог поймал маленькую звезду. Белобог боялся, что брат обожжётся, и хотел забрать её. А Чернобог не отдавал, потому что боялся за Белобога.

Теперь Белобог раскрыл ладонь.

На ней лежала та самая звезда.

— Возьми.

— Она наша, — тихо ответил Чернобог.

— Поэтому я и отдаю её тебе.

Чернобог взял звезду. Маленький огонь согрел его пальцы.

— А что останется у тебя?

Белобог посмотрел ему в глаза.

— Надежда, что однажды мы снова увидимся.

Чернобог обнял брата.

Они стояли так долго, что даже ветер Стрибога затих, словно боялся нарушить их прощание.

— Обещай, что вернёшься, — прошептал Белобог.

Чернобог не стал давать обещания, которого не мог исполнить.

— Я никогда не забуду дорогу к тебе.

И шагнул во тьму.

Навь встретила его тишиной.

Ни ветра, ни воды, ни единого живого голоса.

Чернобог шёл по холодной земле, пока граница Яви не исчезла за его спиной.

Он остановился.

— Здесь будет дом для тех, кому больше некуда идти, — произнёс он.

Никто не ответил.

Тогда Чернобог раскрыл ладонь.

На ней лежала звезда Белобога.

Он поднял её над головой, и в Нави впервые появился свет.

Совсем маленький.

Его едва хватало, чтобы осветить лицо одинокого бога.

— Вот видишь, брат, — прошептал Чернобог. — Ты всё-таки со мной.

По его щеке скатилась слеза.

Она упала на камень и превратилась в крошечную серебряную искру.

Чернобог долго смотрел на неё.

Он ещё не знал, что однажды в этом безмолвном царстве прозвучат тысячи голосов. Что здесь будут плакать, вспоминать, ждать и даже любить.

Пока он был один.

Но теперь у него было два огонька.

В Яви Белобог поднялся на вершину горы.

Солнце сияло над лесами и реками. Всё вокруг было прекрасно, но впервые эта красота не приносила ему радости.

Ему не с кем было ею поделиться.

Он вспомнил, как Чернобог любил смотреть на звёзды, которых не было видно при ярком свете.

И тогда Белобог впервые позволил солнцу уйти за горизонт.

Наступила ночь.

Звери затихли. Птицы спрятали головы под крылья.

А над миром засияли тысячи звёзд.

Белобог поднял к ним лицо.

— Теперь я понимаю, брат. Без твоей тьмы я никогда бы не увидел, сколько света существует.

Так мир впервые уснул.

Род наблюдал за сыновьями издалека.

Один хранил живых.

Другой готовился встречать тех, чей путь завершится.

Между ними лежала граница, необходимая миру. Но Род знал, что даже она не способна уничтожить любовь.

— Прости меня, — тихо произнёс он.

Никто не услышал этих слов.

Только Макошь, сидевшая за своим полотном судеб, вдруг остановила руку.

Между светом и тьмой протянулась тонкая золотая нить.

Она не обрывалась.

Макошь осторожно коснулась её и улыбнулась.

Но в следующее мгновение улыбка исчезла.

На полотне появились ещё две нити.

Не похожие на нити богов.

Хрупкие. Тёплые. Удивительно короткие.

Макошь впервые почувствовала страх.

Она ещё не знала, кому будут принадлежать эти судьбы.

Не знала, сколько любви, радости и горя принесут они в созданный Родом мир.

Но уже понимала: их появление изменит даже бессмертных.

Потому что скоро в мир должны были прийти люди.

Глава четвёртая

МАКОШЬ

Та, что держит нити судьбы

— Почему эта нить такая короткая?

Доля осторожно подняла тонкую золотистую нить. Она едва доставала от одного её пальца до другого.

— Потому что она человеческая, — ответила Макошь.

— Но ведь её почти нет…

— Для вечности — почти нет. Для человека — целая жизнь.

В чертоге Макоши не было ни дня, ни ночи. Здесь мерно постукивал ткацкий станок, а бесчисленные нити тянулись сквозь время. Одни сияли золотом, другие были серыми, третьи меняли цвет прямо под пальцами богини.

Никто не знал, откуда появилась сама Макошь. Казалось, она была здесь всегда — молчаливая женщина с внимательными глазами, знавшая цену каждому мгновению.

Рядом с ней трудились две помощницы.

Светловолосая Доля любила вплетать в судьбы радость: встречу после долгой разлуки, удачу в трудный день, любовь, которая приходит неожиданно.

Темноволосая Недоля отвечала за испытания. Её нити приносили потери, тяжёлый труд, разочарования и препятствия.

Люди однажды станут благодарить Долю и проклинать Недолю.

Но пока людей ещё не существовало.

В тот день к Макоши пришёл Род.

— Мир прекрасен, — произнёс он, — но некому удивляться его красоте так, как смогут удивляться люди.

Он рассказал о существах, которым хотел подарить дыхание, разум и свободу выбора.

— Они будут смертны? — спросила Макошь.

— Да.

Богиня взглянула на короткие нити.

— Значит, каждое их мгновение будет драгоценным.

Она села за станок.

Доля протянула ей золотую нить. Недоля — серую.

— Зачем вплетать горе в жизнь тех, кто ещё не родился? — спросила Доля.

Макошь положила обе нити рядом.

— Потому что судьба не может состоять из одного счастья.

— Но разве нельзя избавить их от страданий?

— Можно уберечь человека от ветра, — ответила Макошь. — Но тогда он никогда не научится стоять против бури.

Недоля впервые подняла глаза.

— Значит, мои нити тоже нужны?

— Нужны. Только помни: испытание не должно становиться наказанием ради самого наказания.

Макошь переплела золотую нить с серой.

Так возникла первая человеческая судьба.

Потом вторая.

За ними — тысячи ещё не рождённых жизней.

Одним предстояло прожить долгие годы. Другим — совсем немного. Кто-то встретит любовь, кто-то отправится искать её через полмира. Одни будут рождаться сильными, другие научатся силе, преодолевая собственную слабость.

Но ни Доля, ни Недоля не могли заранее определить всё.

— А почему здесь пустое место? — спросила Доля, заметив небольшой промежуток в полотне.

— Это выбор, — сказала Макошь.

— Чей?

— Человеческий.

И добавила:

— Мы можем дать человеку дорогу. Но шагать по ней он будет сам.

Внизу, среди лесов и рек Яви, Род вдохнул жизнь в первых людей.

Мужчина открыл глаза и увидел солнце.

Женщина протянула ладонь навстречу ветру.

Они ещё не знали ни радости, ни горя. Не умели строить жилища, добывать хлеб и различать времена года.

Но уже чувствовали тепло, слышали птиц и смотрели друг на друга с удивлением.

Под их ногами лежала живая, тёплая земля.

Мать Сыра-Земля безмолвно приняла первых людей. Скоро им предстояло узнать, сколько даров скрыто в её глубинах.

А пока они сделали первые шаги.

Доля улыбнулась и вплела в их судьбы счастье первой встречи.

Недоля добавила осторожную серую нить — впереди были холодные ночи, голод и трудности, которые им предстояло преодолеть.

Макошь наблюдала за ними.

— Они такие маленькие, — прошептала Доля.

— И такие недолговечные, — добавила Недоля.

Богиня судьбы коснулась двух нитей.

— Именно поэтому берегите их.

Она вновь принялась за работу.

С каждым ударом станка рождались новые возможности, встречи и дороги. Полотно разрасталось, уходило за пределы чертога, переплетая судьбы тех, кто ещё не появился на свет.

И однажды люди начнут спрашивать, почему одним достаётся счастье, а другим — беда.

Будут молить Долю о милости, бояться Недоли и искать ответа у Макоши.

Но богиня не станет рассказывать им, что написано впереди.

Ведь даже самая прекрасная судьба теряет смысл, если заранее известен каждый её поворот.

Глава пятая

МАТЬ СЫРА-ЗЕМЛЯ

Та, что слышит каждый шаг

Первую рану ей нанёс человек.

Не враг. Не чудовище. Не разгневанный бог.

Маленькое существо, которому она совсем недавно позволила сделать первый шаг по своей груди.

Мужчина поднял острый камень и ударил им по земле.

Мать Сыра-Земля вздрогнула.

А человек радостно позвал женщину:

— Смотри! Здесь можно спрятать семена!

Он не знал, что земля чувствует.

Мать Сыра-Земля существовала столько, сколько помнили себя леса, горы и реки.

Никто не видел её рождения. Она не называла Рода отцом и не спрашивала, кто дал ей жизнь.

Весной её дыхание поднимало молодую траву. Летом она согревала корни деревьев. Осенью принимала опавшие листья, а зимой укрывала семена под снегом.

Она знала голоса зверей и тяжесть каждого камня.

Но люди были другими.

Зверь брал у земли столько, сколько требовал голод. Человек же мог взять больше — не из нужды, а из страха, что завтра ему не хватит.

И всё же Мать Сыра-Земля наблюдала за ними с любопытством.

Первые люди научились собирать плоды, укрываться от дождя, поддерживать огонь.

Но пришла холодная пора.

Ягоды исчезли. Коренья стало трудно находить. Голод заставлял их уходить всё дальше от реки.

Однажды женщина заметила, что возле старого дерева выросли новые колосья — там, где раньше рассыпались зёрна.

Она привела мужчину к этому месту.

Они долго рассматривали ростки.

А потом поняли: если зерно положить в землю, из него может родиться новое.

Так люди впервые попытались вырастить себе пищу.

Мужчина рыхлил почву острым камнем.

Женщина опускала в неё зёрна и осторожно прикрывала ладонями.

Мать Сыра-Земля чувствовала каждое прикосновение.

Камень тревожил её плоть. Но человеческие ладони были тёплыми, а движения женщины — такими бережными, словно она укладывала спать ребёнка.

— Они причиняют тебе боль, — прошелестел ветер Стрибога.

— Они хотят жить, — ответила Земля.

— А если однажды захотят больше, чем им нужно?

Она долго молчала.

— Тогда им придётся научиться отвечать за то, что они берут.

И Земля позволила семенам прорасти.

Шли дни.

Люди приходили к своему маленькому полю, разглядывали всходы и радовались каждому новому листку.

Но однажды небо потемнело.

Налетел ветер, хлынул ливень. Потоки воды размыли землю, а часть молодых ростков погибла.

Женщина упала на колени перед испорченной грядкой.

Столько труда — и всё напрасно.

Мужчина пытался поднять примятые стебли, но они ломались у него в пальцах.

— За что? — прошептала женщина.

Она ещё не знала молитв.

Но Мать Сыра-Земля услышала.

Женщина прижалась лбом к влажной почве.

— Мы ведь только хотели жить…

Эти слова оказались тяжелее камня, которым человек впервые разрыхлил землю.

Мать Сыра-Земля не могла отменить дождь, не могла сделать так, чтобы каждый посев давал урожай. Мир жил по своим законам.

Но она сохранила под землёй те зёрна, которые буря не сумела унести.

Через несколько дней среди грязи показались новые зелёные ростки.

Женщина увидела их первой.

Она опустилась на колени, осторожно коснулась листьев и заплакала.

На этот раз — от радости.

Прошли годы.

Люди научились сеять, собирать урожай, строить жилища и хранить зёрна до следующей весны.

Они начали понимать: земля не бездонная кладовая.

Если истощать её, она перестанет кормить.

Если беречь — ответит плодородием.

Перед посевом люди стали склоняться к земле, касаться её ладонями и просить доброго урожая.

А после жатвы оставляли часть зёрен на будущую весну.

Мать Сыра-Земля слушала их голоса.

Она не требовала поклонения.

Ей было достаточно, что люди наконец перестали считать её безмолвной.

Однажды старуха, прожившая долгую жизнь, вышла к полю.

Она медленно опустилась на колени и приложила ладонь к почве.

— Матушка, — прошептала она. — Ты кормила меня с первого дня. Когда придёт мой последний час, прими меня так же ласково.

Глубоко под землёй дрогнули корни.

Мать Сыра-Земля узнала этот голос.

Когда-то он принадлежал молодой женщине, которая впервые положила в землю горсть зёрен.

Теперь её волосы поседели, руки покрылись морщинами, а шаги стали тяжёлыми.

Но прикосновение осталось прежним.

Таким же бережным.

Мать Сыра-Земля согрела землю под её ладонью.

И старуха улыбнулась.

С тех пор люди называли землю матерью.

Ей доверяли самые сокровенные клятвы. К ней обращались за плодородием. Её целовали в знак раскаяния и благодарности.

А Мать Сыра-Земля продолжала чувствовать каждый шаг.

Она знала: люди ещё причинят ей немало боли.

Будут рубить леса, истощать поля, проливать кровь на её груди.

Она помнила первые осторожные ладони.

Первую горсть семян.

Первую благодарную слезу.

И потому каждую весну вновь согревала землю, позволяя молодым росткам пробиваться навстречу солнцу.

Даже там, где люди давно забыли поблагодарить её.

Глава шестая

ЛАДА

Любовь, которой не страшна вечность

— Ты умеешь создавать звёзды, Сварог. А сделать так, чтобы двое перестали ссориться, не можешь?

Небесный кузнец нахмурился.

— Я могу выковать им два прекрасных меча.

— Вот поэтому я и пришла.

Лада рассмеялась, и Сварог, сам того не желая, улыбнулся.

Говорили, что там, где появлялась Лада, даже сердитый ветер становился тише. Она не приказывала любить, не заставляла прощать. Просто рядом с ней каждый вдруг вспоминал, кого боялся потерять.

Никто не мог сказать, когда Сварог впервые полюбил Ладу.

Возможно, в тот день, когда она вошла в его кузницу и не испугалась небесного пламени. Или когда впервые взяла его обожжённые ладони в свои и спросила, кто заботится о самом кузнеце.

Сварог умел создавать удивительные вещи.

Но только рядом с Ладой он научился возвращаться домой.

Их чертог редко бывал тихим.

Перун ещё в юности умудрялся превращать обычный спор в грозу. Однажды он так рассердился на сестёр, что молния расколола старый дуб.

— Я не хотел! — возмутился он.

— Конечно, — ответила Морена. — Дуб сам решил разломиться от твоего красноречия.

Жива бросилась к повреждённому дереву. Под её ладонями треснувшая кора начала затягиваться, а на обугленной ветке появились молодые листья.

Лёля тем временем пыталась помирить брата с Мореной.

— Ну обними её!

— Она первая начала!

— Я только сказала правду, — невозмутимо заметила Морена.

Лада наблюдала за детьми с улыбкой.

Жива не могла пройти мимо увядающего цветка. Лёля умела растопить даже самое упрямое сердце. Перун мечтал защищать весь мир, хотя пока не всегда мог справиться с собственным гневом.

А Морена…

Морена любила тишину.

Иногда она часами смотрела, как опадают листья, и задавала вопросы, от которых даже бессмертные боги замолкали.

— Мама, — спросила она однажды, — почему всё прекрасное когда-нибудь заканчивается?

Лада присела рядом.

— Потому что окончание не делает прекрасное напрасным.

— А любовь тоже заканчивается?

Лада обняла дочь.

— Иногда заканчивается жизнь. Но это не значит, что вместе с ней исчезает любовь.

Морена задумалась.

— Значит, даже во тьме можно кого-нибудь любить?

— Конечно.

Девочка улыбнулась.

Лада тогда ещё не знала, насколько важным окажется этот разговор.

Люди уже начали строить первые жилища, выращивать хлеб и собираться семьями.

И вместе с любовью в их жизнь пришли ревность, обиды и ссоры.

Однажды Лада увидела женщину, сидевшую у погасшего очага.

Её муж ушёл после тяжёлой ссоры. Они оба наговорили друг другу жестоких слов, и теперь каждый ждал, что первым вернётся другой.

Лада могла бы вложить в сердце мужчины тоску, которая немедленно привела бы его домой.

Могла заставить женщину забыть обиду.

Но тогда примирение не принадлежало бы им самим.

Богиня присела возле женщины.

— Ты любишь его?

— Люблю, — прошептала та. — Но я не хочу первой просить прощения.

— Почему?

— Он подумает, что победил.

Лада посмотрела на холодный очаг.

— А разве любовь — это битва, в которой кто-то должен проиграть?

Женщина долго молчала.

Потом поднялась и вышла за порог.

На тропинке она встретила мужа.

Он тоже возвращался домой.

Они остановились друг напротив друга, не зная, с чего начать.

И вдруг оба одновременно произнесли:

— Прости.

Лада тихо улыбнулась.

Вечером Лада вернулась к Сварогу.

Он сидел возле остывающей кузницы, разглядывая небольшую серебряную вещицу.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Подарок.

— Для кого?

Сварог протянул ей тонкое кольцо.

На внутренней стороне были вырезаны четыре маленьких знака — по одному для каждого ребёнка.

— Чтобы ты помнила: куда бы они ни ушли, у них всегда будет дом.

Лада надела кольцо.

— Я и без него это знаю.

Сварог обнял её.

Некоторое время они молчали, слушая далёкий смех детей.

— Ты когда-нибудь боишься? — неожиданно спросила Лада.

— Чего?

— Потерять то, что любишь.

Сварог хотел ответить, что боги бессмертны и бояться им нечего.

Но посмотрел на жену и не смог солгать.

— Да.

Лада прижалась к нему.

— Я тоже.

В ту ночь в их доме долго горел свет.

Жива рассказывала о новом дереве, которое сумела спасти. Лёля смеялась над шутками Перуна. Морена сидела у окна, разглядывая звёзды.

И Лада подумала, что счастье, наверное, выглядит именно так.

Не как великий подвиг.

Не как небесное чудо.

А как вечер, когда все, кого любишь, находятся рядом.

Далеко под землёй что-то огромное медленно повернулось во сне.

Но в доме Сварога этого никто не услышал.

И ещё очень долго Лада будет вспоминать именно этот вечер.

Последний, когда ей казалось, что любовь способна защитить от всего.

Глава седьмая

ДИВИЯ И ХОРС

Две стороны одного неба

— Скажи, сестра, почему люди встречают меня песнями, а при твоём появлении запирают двери?

Хорс стоял на краю небосвода, и золотые лучи ещё горели в его волосах.

Дивия улыбнулась.

— Потому что при тебе они видят всё вокруг. А при мне начинают замечать то, что скрывают в себе.

Хорс рассмеялся.

— Говоришь загадками, как всегда.

Они были братом и сестрой, но трудно было представить двух более непохожих существ.

Хорс нёс по небесному пути солнечный свет. С его появлением просыпались леса, согревалась земля, люди выходили трудиться в поля.

Дивия владела серебряным светом Луны. Она знала тайные лесные тропы, отражалась в ночных озёрах и заглядывала в окна тех, кому не спалось.

Хорс любил, когда его ждали.

Дивия привыкла приходить к тем, кто никого уже не ждал.

Однажды брат попросил её показать ему ночной мир.

— Ты удивишься, — предупредила Дивия.

В тот вечер Хорс задержался у самого горизонта. Его последние лучи погасли лишь тогда, когда на небе появилась сестра.

Они вместе посмотрели вниз.

В одном доме женщина сидела возле колыбели больного ребёнка. Днём она улыбалась мужу и уверяла, что всё будет хорошо. Теперь же, оставшись одна, тихо плакала.

Дивия протянула к окну серебряный луч.

Женщина подняла голову. Увидела Луну и вдруг перестала прятать слёзы.

В другом доме старик разговаривал с пустым местом у очага, где прежде сидела его жена.

А далеко в лесу двое влюблённых впервые осмелились взяться за руки.

Хорс долго молчал.

— Почему я никогда этого не видел?

— Потому что при свете дня люди стараются быть сильными, — ответила Дивия. — А ночью иногда позволяют себе быть настоящими.

— И ты хранишь все их тайны?

— Не все. Некоторые они доверяют только звёздам.

Но вскоре Хорс заметил странное.

Каждую ночь серебряный круг сестры становился всё тоньше.

Сначала исчезла небольшая часть.

Потом половина.

А однажды на небе остался лишь узкий серп.

— Дивия, что с тобой происходит?

— Не бойся, брат.

— Ты угасаешь!

— Нет. Я меняюсь.

Хорс не понимал.

Он привык сиять во всей своей силе. Ему казалось, что свет должен быть постоянным, иначе однажды исчезнет навсегда.

Но Дивия знала то, чего не знал он.

Иногда даже свету необходимо отступить.

И вот наступила ночь, когда Луна совсем исчезла.

Лес погрузился во мрак.

Люди выходили из домов и тревожно всматривались в небо.

— Куда пропала Дивия?

— Не разгневалась ли она?

— Вернётся ли Луна?

Хорс услышал их голоса.

Впервые он захотел нарушить небесный порядок и взойти посреди ночи.

Но тогда исчезла бы сама ночь.

Он остановился у горизонта.

— Сестра! — позвал он. — Где ты?

Из темноты донёсся знакомый голос:

— Здесь.

— Почему же я тебя не вижу?

— Разве всё существующее обязательно должно быть видно?

Хорс замолчал.

— Ты боишься, что я исчезла, — продолжала Дивия. — Но я не исчезаю, брат. Я возвращаюсь к началу своего пути.

— А люди?

— Они научатся ждать.

Через несколько ночей над лесом появился тонкий серебряный серп.

Первой его заметила маленькая девочка.

Она выбежала из дома и закричала:

— Луна вернулась!

Люди подняли головы.

Кто-то улыбнулся. Кто-то перекрестил руки на груди от облегчения. А кто-то просто долго смотрел в небо, словно встречал старую подругу.

Хорс увидел, с какой радостью они приветствуют сестру.

— Значит, они любят тебя не меньше, чем меня, — сказал он.

Дивия рассмеялась.

— Разве любовь нужно измерять?

Брат покачал головой.

— Я думал, мой свет важнее, потому что он ярче.

— А я никогда не пыталась светить ярче тебя.

Она протянула ему ладонь.

На короткое мгновение золотой свет заката встретился с серебром молодой Луны.

И мир увидел, как прекрасны они вместе.

С тех пор Хорс больше не спрашивал, почему люди встречают его песнями, а Дивию — тишиной.

Сестра продолжала свой путь по ночному небу. То являлась во всём серебряном великолепии, то превращалась в тонкий серп, то совсем исчезала из виду.

Люди привыкли ждать её возвращения.

Но иногда, в самые тёмные ночи, они всё ещё шептали её имя.

И Дивия слышала.

Даже тогда, когда никто не мог её увидеть.

Глава восьмая

ВЕЛЕС

Тот, кто помнит каждое слово

Говорили, что Велес может подарить человеку целое стадо за одну удачную шутку.

А может отнять последнее за единственное лживое слово.

И никто не знал, что рассердит его сильнее.

Велес любил ходить по земле среди людей. Высокий, широкоплечий, с длинными тёмными волосами и густой бородой, он выглядел скорее могучим воином, чем богом. Лишь глаза выдавали его — янтарные, с опасным золотым огнём.

В них никогда нельзя было угадать, смеётся Велес или уже гневается.

Однажды богатый скотовод поклялся именем Велеса отдать бедному соседу десять коров, если тот спасёт его стадо от болезни.

Сосед три ночи не отходил от животных. Поил их настоями трав, обтирал холодной водой, спал прямо на соломе.

Стадо выжило.

Но когда пришло время расплачиваться, богач рассмеялся:

— Десять коров? Ты ослышался. Я обещал одну!

Бедняк напомнил о клятве.

— Пусть сам Велес придёт и потребует! — бросил хозяин.

И в ту же минуту за окном кто-то негромко рассмеялся.

К вечеру у ворот появился незнакомец.

Огромный мужчина в тёмном плаще стоял посреди дороги.

— Говорят, у тебя прекрасное стадо, — произнёс он.

— Лучшее во всей округе!

— А слово твоё тоже чего-нибудь стоит?

Богач нахмурился.

— Моё слово дороже золота.

Незнакомец улыбнулся.

— Тогда сыграем.

Он вынул из-за пазухи небольшой медный колокольчик.

— Если сумеешь удержать своё стадо до рассвета, получишь от меня золота столько, сколько сможешь унести.

— А если нет?

— Отдашь то, что обещал.

Богач расхохотался и протянул руку.

Незнакомец сжал её.

И на одно короткое мгновение человеку показалось, будто его ладонь попала в медвежью лапу.

Ночью коровы исчезли.

Не сломали изгородь. Не оставили следов. Просто пропали, словно их никогда не было.

Богач метался по двору, звал слуг, проклинал соседей.

И вдруг услышал звон.

Тихий. Медный.

Из леса.

Он бросился на звук.

Между деревьями стоял огромный медведь. На его шее висел тот самый колокольчик.

Зверь поднялся на задние лапы.

— Ты звал меня, человек?

Голос был человеческим.

Богач рухнул на колени.

— Велес…

Медведь шагнул ближе.

— Десять коров пожалел? А ведь я мог дать тебе сотню.

— Верни моё стадо! Я всё отдам!

— Всё? — переспросил бог.

В его голосе послышалось веселье.

— Осторожнее со словами. Я их хорошо помню.

Богач дрожал.

— Я отдам соседу десять коров. Клянусь!

Велес склонил огромную голову.

— Ты уже клялся.

И вдруг лес содрогнулся от его рыка.

Человек зажал уши. Земля под ним задрожала, деревья заскрипели, а из темноты послышался топот сотен копыт.

— Знаешь, почему я забрал твоё стадо? — прогремел Велес. — Не потому, что пожалел бедняка. И не потому, что мне нужны твои коровы.

Он приблизил морду к самому лицу человека.

— Ты произнёс моё имя, решив, что за ним никого нет.

Богач заплакал.

— Прости…

Велес долго смотрел на него.

А затем неожиданно рассмеялся.

— Ну что ж. Сегодня я добрый.

На рассвете всё стадо стояло во дворе.

Ровно десять коров были отделены от остальных. На шеях у них висели медные колокольчики.

Богач немедленно отвёл их соседу.

Но когда вернулся, увидел возле ворот того самого незнакомца.

Теперь Велес был человеком. Он сидел на изгороди, лениво перебирая пальцами золотые монеты.

— Ты выполнил обещание, — сказал бог.

— Да, владыка.

— Тогда держи награду.

Он бросил богачу одну монету.

Тот поймал её и недоумённо посмотрел на Велеса.

— Одну?

— А сколько ты ожидал?

— Ты обещал золота столько, сколько я смогу унести!

Велес усмехнулся.

— Если удержишь стадо до рассвета. Ты не удержал.

Он спрыгнул с изгороди.

— Учись слушать, человек. Иногда это полезнее, чем говорить.

И ушёл по дороге, насвистывая весёлую мелодию.

Позднее люди рассказывали, что Велес жестоко наказал жадного скотовода.

Другие уверяли, что бог проявил удивительную милость.

А сам Велес, услышав эти разговоры, только смеялся.

Он не любил, когда его пытались назвать добрым или злым.

Слишком уж тесны были для него такие слова.

И если ночью за окном вдруг звенел медный колокольчик, люди невольно вспоминали все обещания, которые когда-либо давали.

Потому что Велес мог забыть лицо человека.

Мог забыть его богатство.

Но сказанного слова не забывал никогда.

Глава девятая

СТРИБОГ

Тот, кого невозможно удержать

Стрибог родился из первого дыхания Рода.

И с тех пор ни разу не научился сидеть спокойно.

Он носился над морями, взбирался на горные вершины, забирался в самые глубокие ущелья. Мог одним дуновением погасить свечу, а мог поднять такую бурю, что вековые дубы склоняли перед ним головы.

Когда Стрибог смеялся, по лесам пробегал тёплый ветер.

Когда гневался — птицы прятались в гнёздах.

Другие боги порой упрекали его в легкомыслии.

— Ты когда-нибудь остановишься? — спрашивал Сварог.

— Непременно! — обещал Стрибог.

И тут же исчезал, оставляя после себя вихрь искр из небесной кузницы.

Однажды среди бесчисленных голосов мира Стрибог услышал странный звук.

Не человеческий крик.

Не звериный вой.

Тонкий, едва слышный свист, похожий на плач.

Он доносился из Чёрной горы, где даже летом не таяли снега.

Стрибог насторожился.

Этот голос принадлежал одному из его младших ветров — быстрому, непоседливому Вьюнку, который любил гонять листья по осенним дорогам и запутывать девушкам косы.

Но теперь Вьюнок звал на помощь.

Стрибог помчался к горе.

И впервые за долгие века почувствовал, как его останавливают.

В глубине скалы зияла пещера.

Стрибог попытался ворваться внутрь вихрем — и ударился о невидимую преграду.

Он рассвирепел.

Ветер завыл. Камни посыпались с вершины. Снежные тучи закружились над горой.

— Кто посмел?!

Гора молчала.

Стрибог ударил снова.

И снова.

С каждым порывом буря становилась страшнее. Далеко внизу деревья гнулись до земли, а в людских селениях захлопывались ставни.

Но пещера не открывалась.

Тогда изнутри донёсся слабый голос:

— Отец ветров… перестань…

Стрибог замер.

— Вьюнок?

— Ты только делаешь хуже…

Бог опустил руки.

Буря стихла.

Стрибог вошёл в пещеру пешком.

Такого с ним не случалось с самого сотворения мира.

В глубине лежал чёрный камень. Внутри него метался крошечный серебристый вихрь.

Вьюнок.

Рядом на камне были вырезаны странные знаки.

Стрибог коснулся их пальцами и почувствовал холод, не похожий на обычный зимний мороз.

Это была чужая воля.

Кто-то сумел запереть ветер в камне.

— Кто сделал это? — тихо спросил бог.

— Не знаю, — прошептал Вьюнок. — Я увидел красивую серебряную птицу. Полетел за ней. А потом камень захлопнулся…

Стрибог нахмурился.

Серебряная птица.

Ловушка.

И знаки, которых он прежде не встречал.

Кто-то намеренно заманил сюда его ветер.
Стрибог поднял камень.
Мог бы расколоть его одним ударом, но чувствовал: вместе с камнем погибнет и пленник.
Тогда бог закрыл глаза.
И прислушался.
Внутри камня билось крошечное дыхание.
Слабое, испуганное.
Стрибог медленно выдохнул.
Не бурю. Не вихрь.
Лишь тонкую струйку воздуха.
Она проникла в едва заметную трещину.
Потом ещё одна.
И ещё.
Камень задрожал.
Стрибог улыбнулся.
— Ну же, малыш. Дыши со мной.
Вьюнок собрал последние силы.
Два дыхания встретились внутри камня.
Раздался тихий звон.
Чёрная поверхность покрылась серебряными трещинами.
И вдруг из камня вырвался маленький вихрь.
Он закружился вокруг Стрибога, растрепал ему волосы и радостно свистнул:
— Получилось!
Стрибог расхохотался.
Так громко, что с вершины горы сошла лавина.
Они возвращались домой над лесами.
Вьюнок носился вокруг старшего бога, радуясь свободе.
— А ты ведь испугался! — вдруг выпалил он.
Стрибог покосился на него.
— Я?!
— Конечно! Я слышал, как у тебя дрожал голос.
— Это гора дрожала.
— Ага. И руки тоже у горы были?
Стрибог фыркнул и подхватил Вьюнка сильным порывом.
— Вот сейчас отправлю тебя к самой Дивии!
Маленький ветер взвизгнул от восторга.
Но вскоре Стрибог снова стал серьёзным.
Он думал о серебряной птице.
О чёрном камне.
И о том, кто сумел создать ловушку для ветра.
Поздней ночью Стрибог вернулся к Чёрной горе один.
Пещера была пуста.
Но на её стене он обнаружил знак, которого прежде не заметил.
Три глубокие борозды, словно оставленные огромными когтями.
Стрибог провёл по ним ладонью.
Камень оказался тёплым.
Будто тот, кто оставил след, совсем недавно находился здесь.
Впервые за долгое время Стрибог не рассмеялся.
Он поднялся над горой и посмотрел на спящий мир.

Где-то внизу люди мирно спали. В небесной кузнице Сварога угасал последний огонь. Над лесами плыла Дивия.

А Стрибог всё смотрел в темноту.

Потому что теперь знал: **кто-то научился ловить ветер**.

И однажды этот кто-то попытается поймать нечто гораздо более могущественное.

Глава десятая

СВЯТОБОР И ДЕВАНА

Тайна молчащего леса

Святобор знал каждое дерево в своих владениях.

Помнил, где весной первой просыпается берёза, под каким дубом рождаются волчата и в каком овраге даже летом лежит холодный туман.

Лес был его царством.

Но хозяйкой звериных троп считала себя Девана.

Она носила за спиной лук, смеялась звонко и никогда не спрашивала у мужа разрешения отправиться на охоту.

— Опять распугала моих оленей? — ворчал Святобор.

— Твоих? — Девана вскидывала бровь. — Они ещё не жаловались мне, что принадлежат тебе.

Святобор хмурился.

А потом улыбался.

Он любил эту несносную женщину больше всех своих вековых дубов.

Однажды к Святобору прибежал леший.

Маленький, взъерошенный, с бородой из сухого мха, он едва переводил дыхание.

— Владыка! Беда!

— Опять заблудившихся людей напугал?

— Да если бы людей!

Леший оглянулся.

— Лес от тебя прячется.

Святобор нахмурился.

— Что за глупости?

— Сам посмотри!

Они отправились в старую чащу, куда люди не заходили даже за грибами.

И Святобор остановился.

Деревья стояли совершенно неподвижно.

Ни один лист не шелохнулся.

Птицы молчали.

Даже муравьи исчезли с привычных тропинок.

Святобор положил ладонь на ствол древнего дуба.

— Что случилось, старый друг?

Дуб не ответил.

Впервые за всю вечность лес не пожелал говорить со своим хозяином.

— Здесь кто-то побывал, — раздался за спиной голос Деваны.

Она появилась бесшумно, с луком в руке.

— Я не чувствую чужих следов, — ответил Святобор.

— Потому что ищешь их там, где ходят ногами.

Девана опустилась на колено и раздвинула траву.

Под листьями лежало крошечное птичье перо.

Совершенно белое.

— И что? — спросил Святобор.

— Здесь не водятся белые птицы.

Она поднесла перо к губам.

Оно рассыпалось в чёрную пыль.

Леший пискнул и спрятался за дерево.

Святобор стиснул кулаки.

— Кто посмел войти в мой лес?

— Тише, — остановила его Девана.

— Почему?

— Потому что он ещё здесь.

Они шли всё глубже.

Девана замечала то, чего не видел Святобор: сломанную паутину, едва примятую травинку, странные следы на влажной земле.

Наконец она остановилась возле молодой осины.

На коре виднелись три длинные царапины.

Святобор прикоснулся к ним.

Дерево вздрогнуло.

И вдруг он услышал голос.

Не словами.

Страхом.

Таким древним и чужим, что даже могучий бог невольно отдёрнул руку.

— Теперь понимаешь? — тихо спросила Девана.

Святобор медленно кивнул.

Лес не отвернулся от него.

Лес пытался уберечь своего хозяина.

Впереди раздался хруст веток.

Из чащи вышел огромный олень.

Его рога были опутаны чёрными нитями, а глаза казались пустыми.

Леший вскрикнул.

Святобор шагнул навстречу.

— Стой! — приказала Девана.

Но олень уже бросился на бога.

Святобор поднял руку, и корни деревьев вырвались из земли, обвивая ноги зверя.

Олень забился.

Чёрные нити на рогах зашевелились, словно живые.

— Не трогай их! — крикнула Девана.

Она натянула тетиву.

Стрела сверкнула в воздухе.

Святобор успел подумать, что жена убьёт несчастного зверя.

Но стрела рассекла лишь чёрные нити.

Они упали на землю и зашипели.

Олень рухнул на колени.

А затем поднялся, встряхнул головой и бросился прочь.

Святобор смотрел на Девану.

— Ты могла промахнуться.

— Я никогда не промахиваюсь.

— Даже когда стреляешь в движущуюся цель?

Она улыбнулась.

— Особенно тогда.

Святобор хотел ответить, но вдруг услышал шелест.

Сначала едва заметный.

Потом громче.

Зашевелились листья. Запели птицы. Где-то застучал дятел.

Лес снова дышал.

Леший от радости закружился на месте.

— Вернулся! Наш лес вернулся!

Но Святобор не улыбался.

Он поднял с земли обрывок чёрной нити.

Та рассыпалась у него между пальцами.

— Кто-то хотел, чтобы зверь напал на меня.

Девана кивнула.

— И чтобы ты убил его в ответ.

— Зачем?

Она посмотрела на мужа.

— Может быть, чтобы лес впервые испугался собственного хозяина.

Вечером Святобор и Девана сидели под старым дубом.

Он молчал.

Она чистила стрелы.

— Ты ведь знала, что олень невиновен, — наконец произнёс Святобор.

— Конечно.

— А я едва не погубил его.

Девана отложила лук.

— Ты защищаешь лес силой. Я умею замечать, когда сила становится ловушкой.

Святобор усмехнулся.

— Значит, без тебя я пропаду?

— Несомненно.

Он притянул её к себе.

— Какая же ты невыносимая.

— Зато меткая.

Они рассмеялись.

А над ними тихо шелестел дуб, которому было известно куда больше, чем он решался рассказать.

Той ночью Святобор долго не спал.

Он прислушивался к лесу.

Звери возвращались в норы. Птицы прятали головы под крылья. Лешие снова затевали свои глупые игры.

Всё казалось прежним.

Но где-то далеко, за пределами его владений, что-то огромное провело когтями по камню.

И лес вздрогнул.

Святобор открыл глаза.

Теперь он знал: однажды чужой страх вернётся.

И в следующий раз его может оказаться недостаточно просто прогнать .

Глава одиннадцатая

СЕМАРГЛ

Тот, кто подарил людям огонь

Семаргл терпеть не мог холод.

Не потому, что боялся замёрзнуть. Просто ему казалось совершенно нелепым, что кто-то добровольно живёт в мире, где существуют снег и ледяной ветер.

Сам он был рождён для пламени.

Когда Семаргл расправлял крылья, ночь озарялась золотым светом. Его могучее тело напоминало огромного пса, сотканного из огня, а из-под лап вылетали искры.

Он мог одним дыханием зажечь лес.

И одним взглядом погасить пламя, вышедшее из повиновения.

Однажды Семаргл увидел людей, укрывшихся от зимней бури в глубокой пещере.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и дрожали.

Маленький ребёнок плакал.

— Странные создания, — пробормотал бог. — Род подарил им целый мир, а они даже согреться не умеют.

Он уже собирался улететь, но ребёнок заплакал громче.

Семаргл раздражённо взмахнул крыльями.

— Ну что за шум!

Он опустился возле пещеры.

Люди увидели огромного огненного пса и в ужасе бросились в глубину.

— Вот благодарность! — фыркнул Семаргл.

Он выдохнул маленькую искру.

Она упала на сухие ветки у входа.

Вспыхнуло пламя.

Люди закричали.

Кто-то схватил камень. Кто-то попытался засыпать огонь снегом.

— Да стойте же! — взревел бог.

Но его рык напугал их ещё сильнее.

Семаргл закатил глаза.

— С вами невозможно разговаривать!

И превратился в человека.

Перед пещерой стоял высокий широкоплечий мужчина с рыжевато-золотыми волосами и глазами, в которых плясали языки пламени.

— Смотрите, — сказал он, присев возле огня.

Он протянул к нему ладони.

— Тепло.

Люди осторожно приблизились.

Семаргл подбросил сухую ветку.

Пламя стало ярче.

— Ему нужна пища, — объяснил бог. — Дерево. Сухое, не мокрое.

Один из мужчин робко положил в огонь веточку.

Она вспыхнула.

Человек от неожиданности отскочил.

Семаргл расхохотался.

— Вот! Уже лучше!

В ту ночь люди впервые уснули в тепле.

А Семаргл сидел у входа в пещеру и следил, чтобы пламя не погасло.

Хотя никому бы не признался, что остался ради них.

С тех пор он часто возвращался.

Научил людей складывать камни вокруг очага, поддерживать огонь сухими дровами и не оставлять его без присмотра.

Показал, как жарить мясо над углями.

Как сушить промокшую одежду.
Как разжигать пламя от тлеющего уголька.
Но главное наставление повторял всякий раз:
— Огонь не раб. Он может согреть ваши руки, а может сжечь ваш дом. Помните об этом.
Люди кивали.
И Семаргл был доволен.
Пожалуй, даже слишком.
Однажды весной он услышал отчаянные крики.
Над людским поселением поднимался чёрный дым.
Кто-то оставил горящие угли возле сухой соломы.
Ветер раздул пламя.
Огонь перекинулся на жилища.
Люди метались между горящими стенами, пытаясь спасти детей и скот.
Семаргл опустился посреди поселения.
— Я ведь предупреждал!
Его голос прогремел сильнее пожара.
Но никто не ответил.
Все были слишком напуганы.
И тогда бог увидел маленькую девочку.
Она стояла возле горящего дома и плакала.
Внутри остался её младший брат.
Семаргл замер.
Ему хотелось наказать людей за небрежность.
Хотелось оставить их наедине с бедой, которую они сами навлекли.
Но девочка подняла к нему заплаканное лицо.
— Ты же подарил нам огонь… Разве ты позволишь ему забрать брата?
Семаргл ничего не ответил.
Он расправил крылья.
Пламя взметнулось навстречу своему владыке.
— Ко мне! — приказал бог.
Огонь закружился вокруг него, словно стая послушных зверей.
Горящие стены погасли.
Дым расступился.
Семаргл вошёл в дом и вынес ребёнка на руках.
Мальчик кашлял, но был жив.
Девочка бросилась к брату.
А Семаргл стоял посреди обугленного поселения и впервые не находил слов.
Люди ждали его гнева.
Но бог лишь посмотрел на разрушенные дома.
— Я дал вам огонь, — произнёс он наконец. — А вы решили, что научились повелевать им.
Никто не посмел возразить.
— Запомните: тот, кто пользуется силой, должен отвечать за неё.
Он подошёл к уцелевшему очагу.
Среди пепла ещё тлел крошечный уголёк.
Семаргл поднял его на ладони.
— Начнёте заново.
И положил уголёк в каменную чашу.
Прошли годы.

Люди научились строить безопасные очаги, беречь угли и передавать огонь от дома к дому.

У вечернего пламени они рассказывали детям о крылатом псе, который однажды спустился с небес и подарил им тепло.

Семаргл иногда слушал эти истории, прячась в искрах костра.

Особенно ему нравилось, когда дети изображали его огромным и страшным.

— Ещё страшнее был! — довольно ворчал он.

И костёр вдруг вспыхивал ярче.

Но если кто-то забывал погасить опасное пламя, из огня раздавался сердитый треск.

Люди говорили:

— Семаргл напоминает.

А сам бог лишь усмехался.

Он по-прежнему оставался гордым, вспыльчивым и совершенно невыносимым.

Но теперь на земле горели тысячи маленьких огней, за которые он чувствовал себя ответственным.

Глава двенадцатая

ЧУР

Тот, кто стоит у порога

Чур никогда не спешил.

Другие боги пересекали небеса, поднимали бури, распоряжались огнём. А он мог целый день просидеть у человеческого дома, наблюдая, как хозяин чинит изгородь, женщина развешивает бельё, а дети играют во дворе.

И всё же люди чувствовали себя спокойнее, когда Чур был рядом.

Он выглядел зрелым мужчиной с широкими плечами, крепкими руками и сединой на висках. В его глазах не было ни угрозы, ни ласки — только внимательность человека, который замечает всё.

Когда люди начали строить первые дома, они быстро поняли: стены защищают от ветра, крыша — от дождя.

Но от дурного намерения не спасают ни брёвна, ни крепкие двери.

Однажды к Чуру пришёл человек.

— Владыка, я построил дом. Как сделать так, чтобы моя семья жила в нём спокойно?

Чур поднялся и пошёл за ним.

У порога он остановился, провёл ладонью по дверному косяку и начертил на дереве простой знак.

— Теперь у твоего дома есть граница, — сказал бог.

— Разве изгороди недостаточно?

— Изгородь не остановит того, кто приходит с улыбкой, а за пазухой прячет беду.

— Значит, теперь никто дурной не войдёт?

Чур посмотрел на хозяина.

— Пока ты сам не пригласишь его.

Много лет дом жил спокойно.

В нём рождались дети, пахло свежим хлебом, по вечерам горел огонь.

Но однажды поздней осенью к воротам подошёл незнакомец.

На нём был дорожный плащ. Лицо скрывал капюшон.

— Пусти переночевать, добрый человек, — попросил он. — Замёрз в дороге.

Хозяин колебался.

Незнакомец поднял голову и улыбнулся.

— Неужели оставишь путника под дождём?

Человек отворил ворота.

— Заходи.

И в тот же миг знак Чура на дверном косяке потемнел.

Ночью в доме стало холодно.

Огонь в очаге горел, но не давал тепла.

Младший ребёнок проснулся и заплакал.

Жена хозяина услышала, как кто-то медленно ходит по сеням, хотя гость давно лёг спать.

А сам хозяин увидел сон.

Будто стоит у собственного дома, стучит в дверь, зовёт семью.

Но никто не открывает.

Из окна на него смотрит незнакомец и улыбается.

Человек проснулся в холодном поту.

И услышал три тихих удара в дверь.

На пороге стоял Чур.

— Ты звал меня? — спросил бог.

— Нет…

— А следовало бы.

Чур переступил порог и остановился.

В дальнем углу комнаты сидел незнакомец.

Теперь капюшон был откинут.

Лицо его оставалось человеческим, но глаза были совершенно пустыми.

— Ты не можешь выгнать меня, — произнёс гость. — Меня пригласили.

Чур молчал.

— Ты сам установил этот закон, хранитель.

— Верно, — ответил бог.

Хозяин побледнел.

— Что же теперь делать?

Чур посмотрел на него.

— Вспомни, чей это дом.

— Мой…

— Тогда почему ты ждёшь, что я скажу за тебя?

Хозяин медленно повернулся к незнакомцу.

Руки у него дрожали.

— Я пустил тебя согреться, — произнёс он. — Но не приглашал причинять вред моей семье.

Гость усмехнулся.

— Слишком поздно.

— Нет, — сказал Чур. — Не поздно, пока хозяин помнит, где проходит его порог.

Человек выпрямился.

— Уходи из моего дома.

Незнакомец не шелохнулся.

— Уходи! — повторил хозяин.

Тогда Чур положил ладонь на дверной косяк.

Потемневший знак вспыхнул мягким золотым светом.

Незнакомец поднялся.

Его тень вытянулась по полу, стала длинной и чужой.

Но за порог он вышел уже без сопротивления.

И растворился в предрассветном тумане.

Хозяин долго стоял у открытой двери.

— Кто это был?

Чур посмотрел на пустую дорогу.

— Не всякое зло приходит с клыками и когтями.

— А если он вернётся?

— Теперь ты знаешь, как его встретить.

Бог коснулся плеча человека.

— Помни: оберег не заменяет твоей воли. Он помогает защитить то, что ты сам готов защищать.

И ушёл.

С тех пор люди стали отмечать границы своих дворов и домов, беречь пороги и вспоминать Чура, когда чувствовали рядом что-то недоброе.

А в минуту испуга произносили:

— Чур меня!

Глава тринадцатая

СКИПЕР-ЗМЕЙ

Тот, кто украл детей богов

В ту ночь волки не выли.

Они лежали в лесах, прижав уши к головам, и смотрели туда, где за Чёрной горой небо почему-то оставалось беззвёздным.

Стрибог первым почувствовал неладное. Его ветры возвращались с севера, хотя он посылал их на юг. Они путались, жалобно свистели и отказывались приближаться к горе.

А глубоко под землёй кто-то медленно открыл глаза.

Скипер-Змей проснулся.

Он был старше человеческого страха, но не старше мира. Когда Род вдохнул жизнь в своё творение, для Скипера в нём не нашлось места. Он не умел ничего создавать. Не мог вырастить травинку, зажечь звезду или подарить кому-нибудь жизнь.

Зато он умел отнимать.

Его чешуя была чернее подземных вод, когти оставляли на камне три глубокие борозды, а длинное тело извивалось в пещерах, куда не проникал даже свет Сварогова огня.

Но страшнее всего были глаза.

Каждый, кто смотрел в них, видел не чудовище, а то, чего боялся больше всего.

Скипер долго наблюдал за богами.

Он видел силу Сварога, мудрость Макоши, ярость будущих гроз, которые ещё только пробуждались в юном Перуне.

И понял: победить богов одной силой ему не удастся.

Тогда он решил украсть их будущее.

В небесных чертогах Лады в тот день было шумно.

Перун спорил с Лёлей, кто быстрее добежит до золотых ворот. Жива пыталась спасти бабочку, запутавшуюся в паутине. А Морена сидела на ступенях и наблюдала, как вечер медленно гасит краски неба.

— Почему ты опять одна? — спросила Жива.

— Я не одна, — ответила Морена. — Со мной вечер.

Жива засмеялась.

А Морена вдруг нахмурилась.

За воротами стояла маленькая девочка.

Босая, в тонком сером платье. Волосы закрывали ей лицо, а руки дрожали от холода.

— Помогите, — прошептала она. — Моя мать умирает.

Жива первой бросилась к воротам.

— Подожди! — крикнул Перун.

Но девочка подняла голову.

На её лице не было глаз.

Только две глубокие чёрные впадины.

Жива остановилась.

И тогда девочка улыбнулась.

Улыбка разорвала её лицо от уха до уха.

— Вот вы где, — произнёс чужой голос.

Небо погасло.

Перун успел схватить сестёр за руки.

Земля под ногами вздрогнула. Золотые ворота с треском распахнулись, и из черноты выползла огромная когтистая лапа.

За ней показалась голова.

Скипер был настолько велик, что его тело терялось за облаками. Между зубами шевелился густой туман, а на чешуе проступали лица тех, кто когда-либо умолял его о пощаде.

— Прочь! — закричал Перун.

В его ладони впервые вспыхнула настоящая молния.

Она ударила Змею прямо в пасть.

Чудовище отпрянуло.

На мгновение дети увидели его обожжённую морду. Перун даже подумал, что победил.

Но Скипер засмеялся.

— Вот оно что… — прошипел он. — Гром уже просыпается.

Жива закрыла собой Лёлю.

Морена не отступила.

Она смотрела в глаза чудовища, и Скипер вдруг перестал смеяться.

— А ты… — медленно произнёс он. — Ты не боишься темноты?

— Боюсь, — ответила Морена.

— Тогда почему не бежишь?

— Потому что ты в ней прячешься.

Змей взревел.

Его хвост обвился вокруг небесных ворот, когти вспороли каменные ступени, и чёрный туман накрыл детей.

Перун бил молниями, Жива звала на помощь, Лёля плакала, крепко держась за сестру.

А Морена услышала совсем рядом тихий голос:

— Запомни этот страх, девочка. Однажды он станет твоим хозяином.

— Нет, — прошептала она.

Но Скипер уже унёс их во тьму.

Когда Сварог вернулся в чертоги, золотые ворота лежали разбитыми.

На ступенях он нашёл обрывок платья Лёли.

Лада стояла неподвижно.

Она не плакала. Не кричала.

И от этого Сварогу стало страшнее, чем от любого крика.

— Где дети? — спросил он.

Лада подняла на него глаза.

— Их забрали.

Сварог сжал кулак. Над его ладонью вспыхнул огонь, от которого задрожали небесные своды.

— Кто?

Из тени у разрушенных ворот выступил серый волк.

Он принёс в зубах камень.

На камне были три глубокие борозды.

Сварог узнал этот знак.

Далеко внизу, под Чёрной горой, Скипер-Змей уже затворял каменные двери своей темницы.

Четверо детей остались по другую сторону.

— Здесь вас никто не найдёт, — прошипел он.

Перун шагнул вперёд, заслоняя сестёр.

— Отец придёт.

— Конечно, — согласился Змей. — Только к тому времени вы уже не будете теми детьми, которых он ищет.

И впервые за долгие века Скипер-Змей почувствовал не чужой страх, а собственное предвкушение.

Он собирался вырастить четырёх богов для себя.

Но одного он не знал: даже во тьме дети Сварога оставались детьми Сварога.

Глава четырнадцатая

ЧЕТВЕРО ВО ТЬМЕ

Там, где не наступает утро

Первое, что услышала Лёля, — плач.

Она долго не могла понять, кто плачет, пока не догадалась: это она сама.

Вокруг стояла непроглядная темнота. Каменный пол был холодным, воздух пах сыростью, а где-то за стенами медленно ползало что-то огромное.

— Перун? — позвала она.

— Я здесь.

Брат сидел у запертой двери. На костяшках его пальцев засохла кровь: он пытался разбить камень, пока не лишился сил.

Жива обнимала Лёлю. Морена стояла у стены, прислушиваясь к шорохам.

— Нас найдут? — спросила Лёля.

— Найдут, — твёрдо ответил Перун.

Он ещё не знал, сколько раз ему придётся повторить эти слова.

Скипер приходил не каждый день.

Иногда исчезал надолго. Иногда появлялся трижды подряд.

В его подземелье не было ни солнца, ни луны. Дети перестали различать дни. Только волосы становились длиннее, голоса менялись, а на каменной стене появлялись новые отметины.

Каждую Скипер вырезал сам.

— Это ваши годы, — говорил он. — Наверху о вас уже забыли.

Он лгал.

Но делал это так искусно, что однажды даже Перун усомнился.

Змей не держал их в цепях. Ему нужны были не пленники, а послушные боги.

И потому каждому он приготовил собственное испытание.

Первой он позвал Живу.

За каменной дверью оказался сад.

Там росли деревья, цвели цветы, пели птицы. Но стоило Живе прикоснуться к листу, как тот рассыпался в серый прах.

— Всё здесь умирает, — прошипел Скипер. — Ты можешь это остановить.

Жива бросилась от дерева к дереву, прижимала ладони к корням, пыталась вернуть жизнь птице, упавшей с ветки.

С каждым её прикосновением сад ненадолго оживал.

А потом снова погибал.

Она плакала от бессилия.

— Отдай мне свою силу, — предложил Змей. — И я сделаю так, что здесь больше никто не умрёт.

Жива уже протянула ему руку.

Но заметила под мёртвым деревом маленький зелёный росток.

Он появился там, где она стояла.

Скипер его не видел.

Жива опустилась на колени и прикрыла росток ладонями.

— Ты умеешь убивать, — сказала она. — Но не умеешь выращивать.

И впервые Скипер ушёл ни с чем.

Лёле он показал дом.

Тот самый, где они жили с матерью.

За столом сидели Сварог и Лада. Горел очаг, пахло свежим хлебом.

— Доченька! — воскликнула Лада.

Лёля бросилась к ней.

Но остановилась в нескольких шагах.

Мать улыбалась, протягивала руки. Всё было таким настоящим, что у Лёли заболело сердце.

— Подойди, — ласково позвала Лада. — Только скажи, что больше не хочешь видеть брата и сестёр. Они мешают нам быть вместе.

Лёля попятилась.

Настоящая мать никогда бы этого не попросила.

Тогда лицо Лады потемнело, а стены дома начали осыпаться.

— Ты могла бы быть счастлива! — прогремел Скипер.

— Без них — нет!

И девочка снова оказалась в темнице.

Она долго рыдала на плече Живы.

А потом вдруг заметила, что там, где упали её слёзы, между камнями распустился крошечный белый цветок.

Перуна Змей испытывал иначе.

Он выводил юного бога на огромную площадку над бездонной пропастью.

— Ударь меня, — приказывал Скипер.

Перун бил.

Молнии становились всё сильнее. От них трескались скалы, осыпались своды пещер.

Но каждый раз Змей успевал прошипеть:

— Ещё! Сильнее!

И однажды молния Перуна ударила в стену, за которой находились его сёстры.

Камень обрушился.

Перун услышал крик Лёли.

Он бросился к завалу и голыми руками разгребал обломки, пока не увидел сестёр живыми.

В тот день он впервые испугался собственной силы.

— Вот теперь ты понимаешь, — довольно произнёс Скипер. — Гнев разрушает лучше моих когтей. Отдай его мне, и я сделаю тебя непобедимым.

Перун медленно поднялся.

— Непобедимым? Чтобы мне больше некого было защищать?

Он повернулся к чудовищу спиной.

Скипер взревел от ярости.

А Перун впервые понял: **сила грома не в том, чтобы ударить. Сила — в том, чтобы знать, когда остановиться.**

Последней Змей позвал Морену.

Он долго не мог придумать, чем её напугать.

Она боялась потерять семью. Боялась никогда не увидеть мать. Боялась, что Перун однажды не выдержит.

Но самой темноты не боялась.

Скипер привёл её в пещеру, где не было ничего.

Ни стен, ни пола, ни звуков.

Только бесконечная чернота.

— Здесь заканчивается всё, — прошептал он. — Жизнь, любовь, память. Даже боги однажды исчезнут.

Морена стояла неподвижно.

— Ты хочешь, чтобы я боялась смерти?

— Я хочу, чтобы ты служила ей.

— А ты знаешь, что такое смерть?

Змей оскалился.

— Я отнимал тысячи жизней!

— Я не об этом спросила.

Впервые Скипер не нашёл ответа.

Морена опустилась на колени и приложила ладонь к холодной земле.

Под ней не было ничего живого.

Но далеко, так далеко, что даже Змей не мог услышать, текла тёмная река.

Морена услышала её.

И поняла странную вещь: за пределами жизни существовало что-то ещё. Не Скипер. Не его голод. Не его жестокость.

Иная тайна.

— Ты не хозяин тьмы, — тихо сказала она. — Ты всего лишь прячешься в ней.

Змей ударил хвостом.

Пещера содрогнулась.

А Морена впервые увидела, что чудовище может бояться.

Прошло много времени.

Перун вырос высоким, широкоплечим юношей с тёмными волосами и тяжёлым взглядом.

Жива стала прекрасной девушкой, и даже в темнице рядом с ней пробивались из камня зелёные ростки.

Лёля больше не плакала по ночам. Она пела тихие песни, и от её голоса братьям и сёстрам становилось теплее.

Морена тоже повзрослела. Её чёрные волосы спускались ниже пояса, а глаза стали спокойными и глубокими, словно она знала то, чего не знали остальные.

Однажды Скипер не пришёл.

Потом не пришёл снова.

— Что-то случилось, — сказал Перун.

Морена прислушалась.

За стеной раздался глухой удар.

Потом второй.

Где-то очень далеко загремел гром.

Перун поднял голову.

Это была не его молния.

Он узнал звук молота отца.

Жива вскочила.

Лёля закрыла рот ладонями.

А Морена подошла к двери и впервые за долгие годы улыбнулась.

— Они нашли нас.

Но из глубины подземелья донёсся голос Скипера:

— Пусть попробуют забрать.

Каменные стены задрожали.

И тогда Перун протянул руки сёстрам.

— Вместе, — сказал он.

Они взялись за руки.

Четыре силы, которые Змей столько лет пытался обратить друг против друга, впервые соединились.

И в самой глубокой темнице Чёрной горы вспыхнул свет.

Он хотел вырастить себе четырёх послушных богов.

А вырастил четверых врагов.

Глава пятнадцатая

ПЕРУН

Тот, кто бросил вызов Змею

Первый удар молота Сварога расколол вершину Чёрной горы.

Второй заставил содрогнуться подземные чертоги.

А после третьего Скипер-Змей понял: за пленниками пришли.

Он выполз из глубины пещер, волоча по камням огромное чешуйчатое тело. Три когтя на каждой передней лапе оставляли борозды в скалах. Из пасти клубился чёрный дым.

Но у разрушенных ворот его ждал не один Сварог.

Там стояли боги.

Стрибог поднял такой ветер, что с горы сорвало вековые камни. Семаргл расправил огненные крылья, освещая проходы, в которых прежде не горел ни один огонь.

Велес, приняв облик громадного медведя, разбивал лапами каменные заслоны.

А Чернобог стоял неподвижно, вслушиваясь в темноту.

— Дети там, — наконец произнёс он. — Но Змей спрятал их за чарами страха. Кто войдёт один, увидит то, чего боится больше всего.

— Тогда пойдём вместе, — сказала Лада.

И первой шагнула во тьму.

Скипер ждал их в огромной подземной зале.

— Как трогательно, — прошипел он. — Весь небесный род явился за четырьмя детьми.

Сварог поднял молот.

— Верни их.

— А если не верну?

Огонь в глазах небесного кузнеца вспыхнул так ярко, что стены пещеры покраснели.

Но Скипер лишь рассмеялся.

Вокруг богов поднялся чёрный туман.

Сварог увидел разрушенные небесные чертоги. Лада услышала голоса детей, зовущих её из бездонной пропасти. Стрибог почувствовал, будто навеки лишился ветра.

На мгновение каждый оказался один на один со своим страхом.

И тогда Чернобог произнёс:

— Довольно.

Тьма вокруг него раздвинулась.

— Ты крадёшь чужие страхи, Змей. Но тьма тебе не принадлежит.

Чернобог разорвал чары, и боги вновь увидели друг друга.

Скипер взревел.

А за каменной стеной раздался другой голос.

— Отец!

Перун услышал удары Сварогова молота раньше сестёр.

Он уже не был тем мальчиком, который когда-то обещал, что их обязательно найдут.

Перед каменной дверью стоял высокий темноволосый бог. На его плечах играли синие искры, а в глазах отражались молнии.

— Отойдите, — сказал он сёстрам.

— Нет, — ответила Морена. — На этот раз вместе.

Жива положила ладонь на камень. В трещинах проросли корни, раздвигая тяжёлые плиты.

Лёля запела — тихо, почти шёпотом. И древние чары, державшие дверь, начали слабеть.

Морена коснулась чёрных знаков, которыми Скипер запечатал темницу.

— Это не твоя сила, — произнесла она.

Знаки погасли.

И тогда Перун ударил.

Молния расколола дверь надвое.

Лада увидела их первой.

Четверо вышли из пыли и каменного крошева.

Впереди шёл незнакомый высокий юноша с тёмными волосами. Рядом — три прекрасные молодые богини.

Лада остановилась.

Она искала глазами маленьких детей.

Тех, которых помнила.

— Мама, — тихо произнесла Лёля.

И Лада узнала её голос.

Она бросилась к дочерям, обняла всех троих, потом потянулась к Перуну.

А он вдруг опустился перед ней на колени.

— Прости, — прошептал он. — Я обещал их защитить.

Лада обхватила его лицо ладонями.

— Ты защитил, сын мой. Ты вернул их домой.

Сварог стоял рядом, не в силах произнести ни слова.

Он протянул руку и положил её на плечо Перуна.

Но их встречу оборвал рёв.

Скипер бросился на богов.

Его тело обвилось вокруг каменных колонн, когти вспороли пол, а пасть раскрылась так широко, что в ней исчез свет Семаргла.

— Вы думаете, всё кончено?! — взревел он. — Я заставлю вас бояться снова!

Перун шагнул вперёд.

— Нет.

— Ты? — Змей узнал его и оскалился. — Мальчишка, которого я держал под землёй?

— Тот самый.

Скипер ударил когтистой лапой.

Перун уклонился и поднял руку.

Над Чёрной горой впервые за долгие годы загремела настоящая гроза.

Змей засмеялся:

— Ударь! Обрушь гору! Погреби под ней своих сестёр и родителей!

И Перун замер.

Он вспомнил, как однажды его молния едва не погубила сестёр.

Вспомнил собственный страх.

Но теперь рядом с ним стояли те, кого он любил.

Перун опустил руку.

— Ты всё ещё ничего не понял, — сказал он. — Я не стану разрушать мир ради победы над тобой.

Он повернулся к богам.

— Помогите мне удержать его.

Стрибог сковал Змея вихрями. Велес прижал его лапу к земле. Семаргл огнём отсёк путь к отступлению.

Жива заставила корни древних деревьев пробиться сквозь гору и обвить чешуйчатое тело. Лёля поддерживала сестру песней, а Морена разрушала последние чары Скипера.

Чернобог открыл под чудовищем глубокую бездну, не ведущую ни в Явь, ни в Навь.

И только тогда Перун поднял обе руки.

— Эта молния не для смерти, — произнёс он. — Она для свободы.

Небо раскололось ослепительным светом.

Удар пришёлся не в сердце Змея, а в каменные своды над бездной.

Гора содрогнулась. Древние скалы сомкнулись вокруг чудовища, запечатывая его в глубине.

Последнее, что услышали боги, — яростный голос Скипера:

— Я вернусь!

— Тогда мы снова будем ждать тебя, — ответил Перун.

И каменные врата закрылись.

Когда боги вышли из Чёрной горы, над миром занимался рассвет.

Лада шла между дочерьми, не выпуская их рук.

Сварог остановился рядом с Перуном.

— Ты мог уничтожить его, — сказал отец.

— И погубить всех, кто был рядом.

Сварог долго смотрел на сына.

— Теперь ты понимаешь, почему я никогда не ковал оружие бездумно.

Перун кивнул.

— Сила нужна не для того, чтобы её боялись.

— А для чего?

Юный бог посмотрел на сестёр, на мать, на землю, которую впервые за долгие годы видел под солнечным светом.

— Чтобы тем, кого мы любим, больше не приходилось бояться.

Сварог улыбнулся.

И впервые обнял сына не как ребёнка, которого нужно защищать, а как бога, способного стать защитником других.

В тот день над миром долго гремел гром.

Люди прятались от него под крышами, ещё не зная, чьё имя однажды станут произносить во время грозы.

А высоко в небесных чертогах Лада вновь накрыла стол на четверых детей.

Только теперь за него сели уже взрослые боги.

И никто не спросил, почему Морена иногда смотрит туда, где за горизонтом сгущаются сумерки.

У каждого из них впереди была собственная дорога.

А у Перуна — целое небо, которое ему предстояло научиться защищать.

Глава шестнадцатая

КВАСУРА

Тот, кто умел возвращать радость

Впервые за долгие годы в чертогах Сварога звучал смех.

Не осторожный, не натянутый, а настоящий — такой, от которого хотелось распахнуть двери, впустить ветер и забыть, сколько времени эти стены хранили молчание.

Лада не выпускала из виду своих детей. Перун, уже взрослый и широкоплечий, о чём-то спорил со Стрибогом. Жива вместе с Лёлей украшала столы цветами, которые распускались прямо у неё в ладонях. Морена стояла у высокого окна, наблюдая, как за горизонтом гаснет последний отблеск дня.

Сварог велел накрыть пир, какого небесные чертоги ещё не знали.

И только один бог явился без приглашения.

— А где же виновник торжества? — раздался громкий голос от дверей. — Неужели опять решили праздновать без меня?

На пороге стоял Квасура.

Рыжеватые волосы его были перехвачены кожаным ремешком, глаза весело поблёскивали, а на плече покачивался большой деревянный бочонок.

— Квасура! — воскликнула Лада.

— Он самый. И сразу предупреждаю: если вы собираетесь благодарить меня за прибытие, делайте это быстро. У меня плечо отваливается.

— Что принёс? — поинтересовался Велес.

— То, чего тебе всегда не хватает.

— Ума?

— Меры.

Стрибог расхохотался так, что погасли три светильника.

Квасура поставил бочонок на стол и с важным видом обвёл собравшихся взглядом.

— Сегодня я угощу вас сурицей. Но не той, что вы привыкли пить. Эту я приготовил ещё тогда, когда дети Сварога были совсем малы.

Смех постепенно стих.

Лада подошла ближе.

— Ты сохранил её?

— Каждую каплю.

Он провёл ладонью по потемневшему дереву.

— Помнишь, как ты учила меня собирать солнечное тепло в мёд, травы и чистую воду? Говорила, что сурица должна не туманить разум, а делать сердце светлее.

— Помню.

— А я тогда решил приготовить напиток для самого счастливого дня в этих чертогах.

Квасура улыбнулся, но на этот раз без привычной насмешки.

— Потом случилась беда. И я поклялся, что не открою бочонок, пока все четверо не вернутся домой.

Лада коснулась его руки.

— Спасибо тебе.

— Благодарить будешь после первого глотка. Если не понравится, я скажу, что виноват Велес.

— Почему я? — возмутился тот.

— Потому что ты всё равно найдёшь, за что со мной поссориться.

Квасура выбил деревянную пробку.

И замер.

Из бочонка не донеслось ни запаха мёда, ни аромата трав.

Внутри была тишина.

Он наклонил сосуд. В золотую чашу упала единственная прозрачная капля.

— Это ещё что за шутки? — пробормотал Квасура.

Он встряхнул бочонок. Потом заглянул внутрь.

Пусто.

— Стрибог, — медленно произнёс он, — ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Я даже близко не подходил!

— Вот именно это и подозрительно.

Но Велес уже поднялся со своего места.

Он взял чашу, поднёс к лицу и нахмурился.

— Здесь никто ничего не выпил.

— Тогда куда исчезла сурица?

— Никуда.

Велес повернул чашу к свету.

Капля на её дне вдруг вспыхнула крошечной золотой искрой.

— Она здесь. Вся.

Квасура недоверчиво посмотрел на него.

— Велес, если ты сейчас скажешь, что мой бочонок уменьшился до одной капли, я попрошу Сварога выковать тебе новые глаза.

— Лучше попроси его выковать тебе терпение.

Велес осторожно поставил чашу.

— Ты слишком долго хранил напиток, Квасура. Солнечная сила в нём не исчезла. Она собралась воедино.

— И что теперь?

— Теперь попробуй вспомнить, чему тебя учила Лада.

Квасура посмотрел на богиню.

Та молчала.

И тогда он вспомнил.

Когда-то, ещё в самом начале своего пути, он пытался создать напиток, который приносил бы радость любому, кто его попробует.

Он смешивал лучшие травы, собирал мёд из самых душистых цветов, подставлял сосуды под лучи Хорса. Но однажды заметил странное: один человек, выпив сурицу, начинал смеяться, другой — плакать, третий вдруг обнимал того, с кем годами не разговаривал.

Квасура решил, что ошибся в приготовлении.

И пошёл к Ладе.

Она тогда сказала:

— Ты хочешь, чтобы твой напиток дарил людям счастье. Но счастье у каждого своё. Одному нужно веселье, другому — прощение, третьему — смелость признаться в любви. Не пытайся решать за них, что они должны чувствовать.

— А что же мне делать?

— Сохраняй в напитке тепло. Остальное пусть найдут в себе сами.

Теперь, глядя на единственную золотую каплю, Квасура понял, что произошло.

Он слишком долго ждал одного-единственного счастливого дня. Столько лет берег его, столько надежды вложил в этот бочонок, что вся сила напитка собралась в крошечном сияющем зерне.

— Значит, вот ты какая, — тихо произнёс он. — Радость, которую слишком долго держали взаперти.

— И что ты собираешься делать? — спросил Перун.

Квасура взял чашу.

— Отпущу.

Он вышел во двор небесных чертогов.

Боги последовали за ним.

Над миром поднималась ночь. Хорс уже скрылся за дальними горами, и на небе проступала серебряная дорожка Дивии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.